

УДК 93/94

Р.И. Сефербеков, С.С. Караханов

Мифологические персонажи лезгин Карчагской долины: синкретизм традиционных верований и ислама¹

ФГБУН «Дагестанский научный центр РАН»; ruslan-seferbekov@rambler.ru;
ГАОУ ВПО «Дагестанский государственный институт народного хозяйства»; karakhanov65@yandex.ru

В статье на основе исследования календарных праздников и обрядов, аграрных культов, лексики и фразеологии делается попытка реконструкции мифологических персонажей древнего пантеона и демонологии лезгин Карчагской долины – одной из этнических групп лезгинского народа. Большое место в религиозных представлениях лезгин занимал связанный с культом предков культ мусульманских святых. Несмотря на более чем тысячелетнюю традицию исповедания лезгинами Карчагской долины ислама, реликты прежних домонотеистических верований вплетены в традиционную духовную культуру этого этноса, образуя так называемый «народный ислам». В статье авторы на основе полевых исследований доказывают синкретический характер наиболее древних божеств лезгин Карчагской долины, которые в своих мифологических представлениях персонифицировали небесные светила, атмосферные явления и стихии и т. д.

Ключевые слова: *мифология, народы Дагестана, лезгины, ислам, верования.*

The attempt to reconstruct mythological characters of the ancient pantheon and demonology is of Lezghins of Karchagskiy valley – is made in the article. The research is based on the study of calendar holidays and ceremonies, agrarian cults, vocabulary and phraseology. The cult of Muslim saints connected with ancestors took a great part in religions beliefs of Lezghins. Despite thousand-year Islamic tradition relicts of premonotheistic beliefs are interwoven into traditional spiritual culture of Liezghins. This forming so-called “vulgar people's folc Islam”. The autors of the article show the syncretic character of the most ancient deities of the Lezghins of Karchagsky valley. They personified hosts of heave atmospheric phenomena and elements.

Keywords: *mythology, people of Dagestan, Lezgians, Islam, beliefs.*

Лезгины Карчагской долины – особая этническая группа лезгин, исторически расселенная в этноконтактной зоне между северными и южными табасаранцами в отрыве от основного этнического массива, что отразилось на их материальной [7, с. 194–204] и духовной культуре. Предлагаемая статья написана по результатам полевых исследований, проведенных нами летом 2014 г. в Карчагской долине, в лезгинских селениях Карчаг, Зизик, Экендиль и Нютюг Сулейман-Стальского района Республики Дагестан. Следует отметить, что традиционная духовная культура, и в частности домонотеистические верования лезгин этой долины, ранее не изучались.

Как считают специалисты, исламизация лезгин (а также других народностей Южного Дагестана – табасаранцев, агулов, рутульцев и цахуров) произошла на первом этапе (середина VII – середина X в.) распространения ислама среди дагестанских народов [9, с. 15–16]. Несмотря на более чем тысячелетнюю традицию исповедания ислама, в традиционной духовной культуре лезгин сохранилось немало реликтов прежних форм

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00079.

религий. Это в полной мере относится и к лезгинам-карчагцам, праздники, обычаи, обряды, верования, мифы, фольклор, лексика и мифология которых донесли до нас образы древнего пантеона и демонологию.

Как и у других дагестанцев, наиболее древними божевами лезгин Карчагской долины были персонифицируемые небесные светила, атмосферные явления и стихии. В соответствии с космогоническими представлениями жителей долины, луна («варз») – юноша, солнце («рагъ») – девушка, они – брат и сестра. Пятна на лице луны возникли в ходе спора из-за того, кому из них выходить на небосвод днем, а кому – ночью. В ходе этого спора солнце ударило по лику луны куском овчины («хъурхъ»), которым белят белой известью («ладз») стены и пол жилища (с. Карчаг, Зизик). Есть и другое объяснение: брат-луна был красивее солнца-сестры, поэтому она ударила его куском грязной овчины и испачкала ему лицо (с. Экендиль). Имелись и другие версии, объясняющие возникновение пятен на луне: в ходе спора солнце дунуло на облака, и они прилипли к лику луны. Облака – враги солнца и луны. Также пятна на луне – это изображение человека (с. Нютюг).

Красивую девушку лезгины сравнивали с солнечными лучами – «Ракънин нур чинавай руш я» («Подобная солнечным лучам девушка») (с. Зизик). Если какой-либо человек вдруг совершал добрый поступок, которого от него не ожидали, говорили: «Адаз рагъ атанани хъсанвал авуна акурди» («Наверное, он совершил хороший поступок потому, что его осветили солнечные лучи») (с. Экендиль).

В мифологических представлениях лезгин долины сохранились этиологические мифы, объясняющие затмения солнца и луны. Один из мифов повествует о том, что в ходе спора солнца и луны из-за того, кому из них выходить днем, а кому – ночью, между ними возникают столкновения, при этом одно светило заслоняет другое, из-за чего и происходят затмения (с. Карчаг, Экендиль). По другому мифу, солнце и луна соперничали между собой, т. к. каждый из них считал себя красивее другого и заслонял собой соперника (с. Нютюг).

Для того чтобы предотвратить затмения солнца и луны, били в барабан (с. Экендиль) и медную посуду, стреляли из ружей, читали *аяты* из Корана, рубили серебряные монеты пополам, а половинки вешали на шею больным детям (с. Зизик) или подросткам и на запястья новорожденным (с. Карчаг) для их излечения, либо пришивали к правому плечу на одежде ребенка как оберег от нечистой силы (с. Нютюг).

Особое значение карчагцы придавали появлению новой луны. При появлении серпа нового месяца жители с. Нютюг, обращая друг к другу, произносили следующее заклинание:

Варз хъиз цийи хъуй,	Как луна новая, чтоб стал,
Щегъ хъиз тири хъуй,	Как коза зрелая, чтоб стал,
Душманар терг хъуй,	Чтоб враги исчезли,
Дустар дуст хъуй,	А друзья появились,
Дуьне ислягъ хъуй,	Чтоб наших детей <i>Аллах</i> сохранил!
Чи аялар <i>Аллагъди</i> хуьрай!	

Персонифицировали лезгины долины и атмосферные явления. Радуга повсеместно называлась *Яргъи руш* (длинная [долговязая] девушка). В некоторых селах ее представляли в облике девушки с длинными волосами (с. Экендиль), либо с четырьмя (с. Карчаг) или же с семью разноцветными косами – красной («яру»), зеленой («къацу»), синей («вили»), желтой («хъпи»), белой («лацу»), коричневой («туракъ») и розовой («билбилжегъри») (с. Зизик). В с. Карчаг считали, что в радуге три цвета – серый («рагъул»), красный («яру») и синий («вили»), а в с. Нютюг – что сама радуга – это три девушки («яргъи рушар» – «длинные девушки»), каждая из которых олицетворяла определенный цвет – красный, синий или желтый.

При появлении радуги дети повсеместно пели песенку следующего содержания:

<i>Яргъи рушан</i> чларар заз хъурай,	Волосы «Длинной девушки» – мне,
Зин чларар <i>Яргъи рушаз</i> хъурай,	Мои волосы – «Длинной девушке»,

Марфар къвазва чилеруз
Къуьлер жезва кIатIаруз!

Дожди пусть выпадут на поля,
Пшеницу пусть насыплют в лари!

Девушки же при появлении радуги заклинали: «Гьадан гюрчегвал заз гурай, зин гюрчегвал – гьадаз!» («Ее красоту – мне, а мою красоту – ей!») (с. Зизик). Люди верили, что если при появлении радуги загадать желание, оно исполнится (с. Экендиль, Зизик). Ее появление было добрым предзнаменованием (с. Нютюг), сулящим изобилие и достаток («берекет») (с. Зизик). С радугой были связаны метеорологические, аграрные и житейские приметы. Так, появление радуги было предзнаменованием ясной погоды с обилием солнечных дней (с. Карчаг, Зизик). Многократное появление радуги обещало хороший урожай (с. Экендиль, Нютюг). Если при ярком солнце вдруг начинал идти дождь и на небе появлялась радуга, говорили: «Бехьран мехьер» («Воронья свадьба») (с. Карчаг, Нютюг).

Если при рождении ребенка на небе вдруг появлялась радуга, ему желали: «Ваз Яргьи рушаз къван бахтар гурай!» («Чтоб тебе дали столько счастья, сколько его у радуги!»). Если в момент смерти какого-нибудь человека появлялась радуга, считалось, что этот человек после смерти попадет в рай (с. Зизик). Было поверье, что под концами радуги находятся клады (с. Экендиль). Радугу называли и мужским именем – *Хважамжам* (с. Зизик).

У лезгин Карчагской долины не сохранилось представлений о мифической «Матери ветров», образ которой имелся в мифологиях других этнических групп лезгин [8, с. 156] и народов Дагестана [1, с. 24]. Видимо, этот образ был поглощен исламом. Тем не менее, у жителей долины сохранились определенные верования, связанные с этой природной стихией. Так, сильный ветер считали божьей силой и не ругали его за нанесенный ущерб (сорванные крыши, опрокинутые стога и т. п.). При сильном ветре взрослые произносили вслух следующее заклинание: «Гару тхуй бедбахтвилер, цIу тхуй пашманвилер!» («Ветер чтоб беды унес, а огонь – грусть-печаль!») (с. Карчаг).

По легенде, ветер («гар») и сон («ахвар») как-то поспорили, кто из них сильнее. Решили испробовать свою силу на мальчике, который держал в руке кусок хлеба. Чем сильнее дул ветер, тем крепче мальчик сжимал в руке хлеб, но как только его сморил сон, он выронил хлеб на землю. Таким образом, спор выиграл сон (с. Карчаг). Если ночью снился сон о ветре, то утром во двор выбрасывали соль со словами: «Заз акур чIуру ахвар, чили чIугурай!» («Чтоб увиденный мной плохой сон впитала в себя земля!») (с. Зизик). Детей пугали тем, что их может унести вихрь. Вихрь («жинжи гар» – букв. «ветер джинна») считали порождением нечистой силы. Считалось, что внутри вихря находится джинн (с. Карчаг).

Лезгины Карчагской долины персонифицировали не только небесные светила и атмосферные явления, но и определенные сезоны. Например, между зимой и весной имелся небольшой промежуток времени (вторая половина марта), состоящий из нескольких дней и называемый «Къуьзуь къаридин йикъар» («Дни бабушки»). С этими днями была связана легенда о некоей бабушке, которая, думая, что скоро наступит весна, сожгла в печи последний тюк сена. Однако долгожданная весна так и не наступила, а ударили настолько сильные морозы (в народе о таком холоде говорят: «козленок в утробе у матери лопается»), что ей пришлось одолжить сено для голодающего скота у соседей (с. Карчаг). Персонифицировали этот период времени года в образе «Мартовской старухи» и другие народы Дагестана [6, с. 47–48].

Олицетворением божества, ведающим осадками, у лезгин Карчагской долины был ряженный, которого называли *Гуди*. Его изображал юноша, которого раздевали, а затем рядили в ветви грецкого ореха (с. Экендиль) или дуба (с. Нютюг). Обвязав за пояс веревкой, в сопровождении детей и подростков *Гуди* водили по дворам селения. Процессия останавливалась у какого-нибудь дома, и дети и подростки исполняли песенку следующего содержания:

А *Гуди, Гуди*, гун герек,
Марфар – къуьлеруз,

Гуди, Гуди, ты нужен нам,
Дожди – пшеничным полям,

Къуьлер катаруз!

Пшеницу – в лари!

Услышав песенку, к процессии ряженных выходила хозяйка дома и обливала *Гуди* водой из ведра, а сопровождавших его одаривала сладостями, орехами, яйцами, хлебом. Обойдя все дворы, участники обряда приходили на окраину села к святыне («пир»), где собранные продукты делились поровну. *Гуди* произносил заклинание: «Марфар – къуьлеруз!» («Дожди – пшеничным полям!»), а сопровождавшие его трижды произносили «Аминь!», после чего все расходились по домам. Обряд проводили вплоть до 50-х годов XX в.

В с. Нютюг дети при обходе дворов села брали из ограды каждого из них по одной колючке («цацар») держидерева, из которого делали ограды. Затем эти колючки все отдавали одному ребенку из процессии. Для завершения обряда его участники собирались на окраине села, и этот мальчик с разрешения своей матери поджигал связку колючек. Когда колючки полностью сгорали, участники обряда расходились по домам. Видимо, колючки держидерева олицетворяли собой засуху.

Были и другие обряды вызывания дождя. Например, в с. Экендиль во время засухи семь девушек во главе с пожилой женщиной, взяв с собой наполненные водой кувшины, поднимались на возвышенность над селом, где находился мавзолей, возведенный над могилой местного исламского святого («пир»). Там пожилая женщина произносила мусульманскую молитву «Къулгъу», а девушки в это время лили воду из кувшинов по склону горы так, чтобы она стекала в сторону селения. Один кувшин воды выливали и внутрь мавзолея.

Сходный обряд бытовал и в с. Нютюг, где несколько девушек выливали по склону в овраг воду из кувшинов со словами: «Чаз яд це, азиз *Аллагъ!*» («Дай нам воду, милостивый *Аллах!*»). В с. Карчаг в случае засухи с целью вызова дождя устраивали коллективные моления и раздавали милостыню «садакъа» у священного места «Ширен чка», расположенного на окраине села, у скал, где росло священное дерево – чинара. Повсеместно карчагцы для вызова дождя забивали в землю железный гвоздь или деревянный кол.

Наряду с обрядами вызывания дождя у лезгин долины существовали и ритуалы по вызыванию солнца при затяжных дождях. Например, в этом случае в с. Карчаг направлялись к святому месту «Ширен чка», брали хранившуюся там особую дощечку и, произнося молитвы и заклинания, укрепляли ее камнями против течения на мелководье реки. Ее оставляли там до тех пор, пока не прекращались дожди. Повсеместно при затяжных дождях собирали в один сосуд дождевую воду из-под семи водосточных труб, выливали ее в казан (с. Экендиль) или сковороду (с. Нютюг) и кипятили до тех пор, пока вода не испарялась.

Следует отметить, что мусульманские святыни («пир»), к которым обращались при проведении обрядов метеорологической магии, имелись в окрестностях почти всех карчагских селений. Они представлены скальными выходами, родниками, деревьями, надмогильными сооружениями (стелами и мавзолеями). Один из таких «пир» находится в окрестностях с. Карчаг. Он расположен на вершине горы, на территории старого заброшенного поселения Карчаг, вблизи мавзолея, развалин мечети и средневекового мусульманского кладбища. «Пир» представляет собой скальный выход, называемый местными жителями «Пуд аялдин диде» («Мать трех детей»). Его называли так, потому что он является наиболее значимым и древним по сравнению с тремя еще такими же почитаемыми местными жителями «пир», находящимися в окрестностях с. Карчаг. Как говорят, вплоть до 70-х гг. XX в. из этой скалы вытекал целебный источник, который впоследствии иссяк. К нему приходили больные, которых якобы сглазили, и с другими недугами. Воду, произнеся мусульманские молитвы и пожелания выздоровления, пили и обмывали ею тело. В дальнейшем в дни мусульманских праздников и при различных болезнях, бедах и несчастьях сюда приходили паломники, чтобы произнести молитвы, обращаясь к *Аллаху* с просьбой об исцелении, благополучной и счастливой жизни. У скалы оставляли дары – продукты, деньги. Этот и другие подобные «пир» являются у лезгин долины как бы посредниками между Всевышним и людьми.

Подобные объекты поклонения есть и на территории с. Экендиль. По дороге из с. Экендиль в с. Нютюг, на территории заброшенного поселения, имеется священный родник, над которым возведено помещение для паломников. Считается, что вода из этого родника исцеляет от ревматизма и других болезней опорно-двигательной системы. У родника растет и священное дерево – карагач. И родник с возведенным над ним помещением, и карагач считаются в народе священными. Рассказывают, что когда-то давно воры, укравшие скот, ночью проходили по дороге мимо «пИир». В тот момент, когда они поравнялись со святыней, все вокруг вдруг озарилось ярким светом, и их увидели жители с. Экендиль. Говорят, что похитители остолбенели и не могли двинуться дальше, т. к. «пИир» не пускает на свою территорию нечистых на руку людей.

Еще один священный родник («пИирдин булагъ»), исцеляющий от болезней опорно-двигательной системы, находится в центре с. Экендиль. Эту воду также пьют икупаются в ней.

Третий «пИир» находится на юго-западной окраине с. Экендиль. Он расположен на могиле местного мусульманского святого. Говорят, что перед смертью он наказал людям, чтобы те приходили к нему за помощью в случае бед и несчастий. Все эти три святыни жители с. Экендиль обходят в дни мусульманских праздников Ураза-байрам и Курбан-байрам. У них проводят зикр (коллективные моления *Аллаху*) и раздаются милостыня садака.

Следует подчеркнуть, что поклонение мусульманским святыням связано с культом святых и стадиально более ранним – культом предков, переросшим затем в культ патрона сельской общины. Как известно, культ святых не предусмотрен исламом, который в принципе осуждает его и порицает веру в каких-либо посредников или «заступников» перед *Аллахом*. Культ святых появился в результате приспособления ислама к древним традициям побежденных им религий [5, с. 139], а почитание святых стало оболочкой, под которой внутри ислама могли сохраняться уцелевшие остатки побежденных религий [2, с. 185].

Таким образом, можно констатировать, что находящиеся на территории карчагских селений культовые объекты («пИир») на могилах мусульманских святых связаны с культурами предков и патронов сельской общины, у священных скал, деревьев и родников – с культурами гор (оролатрия), дерева и воды. Все эти объекты культа до сих пор используются в обрядах метеорологической магии, народной медицине и во время общественных праздников.

Следует отметить, что культ предков, проявляющийся в подчеркнуто уважительном отношении к старшим, довольно устойчиво сохраняется в этикете и традиционной обрядности карчагцев. Например, существовал обычай, когда после смерти старейшины дома от его савана отрывали кусок материи и прикрепляли жидким тестом к дверному косяку с тем, чтобы с ним из дома не ушли благополучие и достаток (с. Нютюг).

Как и у других лезгин [4, с. 86], верховными богами жителей Карчагской долины были *Гуцар*. По мнению местных жителей, они живут на небесах и даруют людям солнце, дождь, еду, достаток и изобилие. С наступлением весны с надеждой на них произносили следующую фразу: «*Гъуцару* гайитIа ризкьин, чна неда» («Если *Гуцар* дадут нам еду, [то весь предстоящий год] мы будем сыты»). Несмотря на то, что эти божества обитали на небесах, посредниками между ними и людьми были святилища («пИир»), у которых люди молились и приносили им дары – хлеб и мясо (с. Зизик). Эти божества будто бы помогали людям в трудную минуту, если к ним обращались со словами: «Чан *Гъуцар*, чаз куьмек ая!» («Милостивые *Гуцар*, помогите нам!») (с. Экендиль).

После принятия ислама искоренить в сознании лезгин образы этих верховных языческих божеств не удалось, и их имена стали синонимами *Аллаха*. Как считают карчагцы, *Гуцар* – «это ангелы *Аллаха*» («*Гуцар* – *Алагътин* малаикар») (с. Карчаг), это – «святые люди» («михьи ксар») (с. Зизик). Интересно отметить, что в лексике и фразеологии лезгин долины часто упоминаются одновременно и языческие божества, и ис-

ламский *Аллах*. Например, в затруднительных ситуациях лезгины долины обращались к ним со словами: «Я, *Аллагь*, *Гъуцари* куьмек гурай чаз!» («О, *Аллах*, пусть *Гуцар* помогут нам [преодолеть эту беду]!») (с. Карчаг), «Я, *Аллагь*, я, *Гъуцар*, квекай куьмек!» («О, *Аллах*, о, *Гуцар*, ждем помощи от вас!») (с. Зизик). К этим божествам обращались и с призывом наказать тех, кто совершил какую-либо несправедливость: «Я, *Аллагь*, я, *Гуцар*, заз писвал авур касдин къайгъу на авурай!» («О, *Аллах*, о, *Гуцар*, накажите того, кто совершил зло по отношению ко мне!») (с. Карчаг).

Несмотря на то, что в народных верованиях верховные боги *Гъуцар* были связаны с атмосферными явлениями, благодатью и изобилием и к ним обращались за помощью и справедливостью, их имена упоминались и в проклятиях: «Вун *Гъуцари* ракларал къван куй!» («Чтоб *Гъуцар* сожгли тебя [поместив] в дверной проем [т. е. в полный рост]!») (с. Зизик).

Как и у других лезгин [4, с. 85], богом-громовержцем лезгин Карчагской долины был *Алпан*. Со временем имя бога-громовержца *Алпана*, карающего грешников огненными стрелами, трансформировалось в понятие «цайлапан» (букв. «огонь [бога] *Алпана*»), которым стали обозначать молнию. С этим понятием связано проклятие: «Вун цайлапанди ягърай!» («Пусть тебя ударит огонь [бога] *Алпана*!»). Помимо этого, были и иные подобные проклятия, донесшие до нас имена других языческих божеств лезгин: «Вун *Маркъула* ягърай!» («Пусть тебя ударит *Маркъула*!»), «Вун *Чулава* ягърай!» («Пусть тебя ударит *Чулава*!»), «Вун *Ут* ялавдин ягърай!» («Пусть тебя ударит *Ут*!») (с. Экендиль).

Как мы уже указывали, молния у лезгин Карчагской долины называлась «цайлапан» («огонь [бога] *Алпана*»). Как считают старожилы, молния бьет, когда Всевышний гневается на людей (с. Нютюг). Гром называли «къукърумар». Происхождение грома и молнии объясняли по-разному: «малаик» («ангел») едет по небу на небесной колеснице, и гром – это топот копыт лошадей и грохот колес (с. Нютюг, Экендиль), «это звук сталкивающихся между собой звезд» («къукърумар гъетерин сад-садахъ галукъай цецпрекъяр ванер») (с. Зизик), «гром и молния – направленная Всевышним сила, доказывающая его превосходство над человеком» (с. Зизик).

Чтобы спасти человека, пораженного ударом, молнии его закапывали в землю. Рассказывают, что когда-то в с. Зизик так спасли одну женщину.

Одним из древних самобытных общелезгинских праздников был праздник начала весны «Яран сувар», который отмечали в день весеннего равноденствия. Карчагцы отмечали «Яран сувар» со всеми его древними ритуалами вплоть до 70-х гг. XX в. Его отмечают и теперь, но, как признают старожилы, многие древние обычаи и обряды в наше время забыты, и праздник утратил свою яркую красоту.

Накануне праздника жилище очищали от мусора и всякого хлама. При уборке произносили следующее заклинание: «Квалевай хвархвасар, тавилер гъюлиз хъурай, гъюлевой девлетар квализ хтурай!» («Домашний мусор и болезни чтоб в море ушли, а морские богатства – в дом пришли!») (с. Зизик).

За три дня до наступления праздника подростки затевали игру «Яйца бить» («Какаяр элекъуьз»). Каждый из них брал с собой из дома до пяти вареных яиц. Яйца били друг об друга. Побеждал тот, у кого яйцо при ударе не ломалось. Победитель забирал как трофеи яйца, принесенные проигравшими.

Во время праздника было принято бить в барабаны и стрелять из ружей, «чтобы залегшие в спячку под землей земноводные и грызуны проснулись и узнали, что наступила весна» (с. Экендиль). Во время праздника и 15 дней после него («яран йикъяр» – «дни яра») взрослым и детям обвязывали запястья красной нитью, «чтобы их лица не обгорели под солнцем «Яран сувар» (с. Экендиль).

У лезгин основного этнического массива в день этого праздника девушки и молодые женщины красили ладони и ногти хной, а детям обоего пола и подросткам, а иногда и взрослым, перевязывали запястья рук красной ниткой, чтобы «*Яр* не ударил». Во многих селениях красной тесьмой перевязывали шею и кончик хвоста домашним животным. Носили эту нить или тесьму три первых дня периода «яр». Как считает

А.Г. Булатова, *Яр* «у лезгин был древним божеством солнца, которое могло погубить людей, не почитавших его, а красная нить-оберег как бы символизировала причастность носящего ее к культуре, почитанию солнца» [3, с. 25]. По мнению Г.А. Гаджиева, *Яр* – это имя божества-покровителя сельскохозяйственных работ у лезгин [4, с. 90].

Таким образом, «Яран сувар» можно рассматривать в качестве праздника, посвященного *Яру* – древнему лезгинскому божеству солнца, покровителю сельскохозяйственных работ. В день праздника небольшие группы детей, среди которых обязательно должна быть девочка, надевали тряпичные маски, меняя внешность подобным образом до неузнаваемости. Их называли *скIер* («лисы»). Они ходили по дворам, стучались в ворота, поздравляли вышедших им навстречу хозяев с праздником и просили их подать «пай праздника «Яран сувар». Хозяева в ответ просили, чтобы ряженые станцевали им. Ряженые исполняли их просьбу, подражая движениям лисы. В благодарность хозяева одаривали их сырыми яйцами, орехами и халвой (с. Нютюг).

Вечером разжигались костры, через которые перепрыгивали дети и подростки, произнося определенные благопожелания себе и окружающим. Из дубовых палок по числу детей в доме изготавливали факелы, на которые наматывали тряпье из их же изношенной одежды. Факелы окунали в нефть, поджигали и втыкали в землю. В момент поджигания факела каждый ребенок загадывал свое желание. Дети оставались у факелов до тех пор, пока те полностью не сгорали (с. Нютюг).

В день праздника люди надевали нарядную одежду. Хозяйки готовили на праздник «Яран сувар» особые ритуальные блюда. Главным праздничным блюдом было «дангу» (так оно называется и у соседних табасаранцев) – варево из зерен пшеницы и кукурузы, в которое добавляли ядра тертого грецкого ореха (с. Нютюг, Зизик). В с. Экендиль, чтобы предстоящий год был урожайным, «дангу» готовили на молоке из зерен пшеницы, кукурузы, гороха с добавлением кусочков жареного курдюка. Традиционными для этого праздника были пироги «афарар» с начинкой из вареной пшеницы и кусочков отварной курицы. В этот день варили также пшеничную (*чIахар аш*) и рисовую каши (*дюгюд аш*) с подливой из кураги и сливы, поджаренных вместе с изюмом (с. Нютюг, Зизик). Лакомством для детей были зерна жареной пшеницы (*калар*) и кукурузы (*гье-жибугьдад кIекер*) (с. Нютюг, Экендиль). Основные блюда календарного праздника «Яран сувар» у лезгин Карчагской долины были архаическими – варево из смеси злаковых и бобовых культур, пироги с разнообразными начинками, каши, жареное зерно.

В соответствии с мифологическими представлениями лезгин Карчагской долины считалось, что в дни праздника «Яран сувар» появляется *Эбелцан* (с. Зизик) // *Белцан* (с. Карчаг) // *Эбелцай* (с. Карчаг, Нютюг) // *Бялсей* (с. Экендиль). Несомненно, этот мифологический персонаж заимствован карчагцами у соседних табасаранцев, у которых *Эбелцан* был аграрным божеством начала весны и нового сельскохозяйственного года. У табасаранцев в день весеннего равноденствия ему был посвящен одноименный праздник. В мифах других этнических групп лезгин, насколько нам известно, этот образ отсутствует. Можно также предположить, что *Эбелцан* был божеством пралезгинской этноязыковой общности до ее распада в древнюю эпоху на предков нынешних лезгин, табасаранцев и агулов, в мифологиях которых этот образ присутствует.

В селении Карчаг в ночь праздника «Яран сувар» детей пугали тем, что «*Эбелцай* из дымохода придет» («*Эбелцай* тавунай кьезва»). Считалось, что *Бельцан* в зооморфном облике (в виде щенка) проникает в жилище из дымохода и лижет детям щеки и лоб. В с. Экендиль верили, что в праздничную ночь через дымоходную трубу в дом приходит *Бялсей* за своим паем. Пай *Бялсей* – пироги «чахар», испеченные из ячменной муки, а также яйца и орехи – клали у очага. Спящим детям взрослые пальцем мазали сажей лоб, а утром им говорили, что это приходивший за своим паем «*Бялсей* лизнул» («*Бялсейди мез яна*»).

По словам старожиллов, в прошлом накануне праздника «Яран сувар» было принято наводить в доме порядок – белить известью («лац») стены жилища, обмазывать жидкой глиной его полы, прочищать от сажи дымоход, «чтобы *Бялсей*, пролезая через очажную

трубу, не испачкался». Говорили, что, если дом не был приведен в порядок, *Бялсей* проклинал его хозяев и больше не приходил в него, унося с собой благополучие и достаток (с. Экендиль).

В с. Зизик ночью перед сном под подушку детям клали выкрашенные в красный цвет вареные яйца. Рано утром, пока еще дети спали, взрослые вытаскивали их из-под подушек, а щеки и лоб между бровями мазали им сажей. Утром проснувшись и недоумевающим по поводу пропажи яиц и следов сажи на лицах детям говорили: «*Эбелцан* йифиз атана, кІвалин тавунай, какаяр вахчуна, чулав пепиндал, чинлай цар чугуна, хъфена» («*Эбелцан* ночью приходил через очажную трубу, забрал яйца и обмазал тебя сажей»). *Эбелцан* в этом селении представляли в виде старика с посохом (с. Зизик).

В с. Нютюг верили, что в ночь праздника *Эбелцай* (в женском облике) приходила через дымоход в дом, в котором имелось много детей. Чтобы она пришла в дом и принесла с собой благополучие и достаток, под вечер кричали: «*Эбелцай, Эбелцай! Аминь!*» Когда дети засыпали, их матери мазали им лицо, лоб и живот сажей. Утром удивленным детям говорили: «*Эбелцай*ди йифиз атана, мез яна» («*Эбелцай* ночью приходила и облизнула»).

Таким образом, можно констатировать, что одним из мифологических персонажей праздника весны «Яран сувар» у лезгин Карчагской долины был *Эбелцан/Белцан/Эбелцай/Бялсей*. Его воспринимали как в зоо-, так и антропоморфном облике. Вероятно, этот образ в результате миграции мифологических сюжетов был заимствован карчагцами у соседних табасаранцев, у которых *Эбелцан* была аграрным божеством (женского пола) нового сельскохозяйственного года. У этих родственных мифических образов у табасаранцев и лезгин Карчагской долины много общего: оба являются персонажами праздника весны, они проникают в жилище через очажный дымоход, им у очага оставляют дары, следы сажи на лицах и телах детей остаются оттого, что они лижут их. Однако этот мифологический персонаж у лезгин Карчагской долины имеет некоторые особенные черты и характеристики, отличающие его от табасаранского прототипа. Например, у лезгин долины *Эбелцан* являлся в зоо- (в облике щенка) и антропоморфной форме (как женского, так и мужского пола), а у табасаранцев – только в облике старухи.

То, что появляющийся в жилище через очажный дымоход («вход из одного мира в другой») *Эбелцан* у лезгин Карчагской долины мог принимать облик старика с посохом, возможно, свидетельствует о том, что этот образ связан с культом предков. Отдельные атрибуты (сажа) и ритуальная пища праздника с обилием таких блюд, как варено «дангу» (панспермия), вареные яйца и куры, разнообразные пироги и каши, орехи, халва, курдюк, жареная пшеница, указывают на то, что *Эбелцан* был связан с культом плодородия. Возможно также, что он покровительствовал детям.

Вплоть до 90-х гг. XX в. обязательными участниками праздника «Яран сувар», а также свадеб и выступлений канатоходцев у лезгин долины были ряженные *склер* («лисы»). На празднике «Яран сувар» ряжеными были дети и подростки (детские обряды – взрослые обряды прошлого). Они ходили по дворам, поздравляли хозяев с праздником, танцевали, за что их одаривали продуктами. На свадьбах ими были мужчины или женщины из числа родственников жениха, которые обмазывали лица сажей и надевали на голову тряпичные или войлочные маски, а сзади к одежде приделывали хвост. Они старались остаться неузнанными, но по их поведению люди догадывались, кто скрывается под маской. Ряженные танцевали, кувыркались, затаскивали силой девушек и женщин в танцевальный круг. На них не обижались. Ряженные издавали гортанные крики или говорили измененным голосом, стараясь не выдать себя. В своих движениях они подражали повадкам животных. В руках у них были особые обожженные на костре узорчатые палки из древесины дикой айвы или боярышника – «скІрен лаш» (с. Карчаг), «скІрен тІал» (с. Нютюг) (букв. «палка [ряженой] лисы») с набалдашником, обвязанным красной или желтой лентой. К поясам у них были приторочены мешочки с мукой, которой они бросались в окружающих и танцующих на свадьбе. На свадьбах же смеха и шутки ради практиковалось ритуальное переодевание мужчин в женскую одежду и на-

оборот. Эти ряженные также назывались *склер* (с. Нютюг). В выступлении канатоходцев принимал участие «ряженный канатоходца» – *пагъливандин сикI* (букв. «лиса канатоходца»). Он собирал плату за представление.

Мы считаем, что ряженные в различных обрядах лезгин и других народов Дагестана изображали почитаемых животных и животных, на которых охотились; тотемических предков; божества охоты и диких животных; зооморфные ипостаси божества (и жрецов культа) плодородия, покровительствующего аграрному производству, семье и браку, а также связанного с потусторонним миром предков; реликт былых мужских союзов; антипод и мифический двойник культурного героя – трикстера [10, с. 111–116].

Таким образом, изучение праздников и обрядов, мифов, лексики и фразеологии карчагцев показало, что в их языческий пантеон входили следующие персонажи: персонифицируемые небесные светила, атмосферные явления, стихии, времена года, верховные боги, громовержцы, патроны сельской общины. Многих божеств изображали ряженные.

(Продолжение в следующем номере)

Литература

1. Алигаджиева З.А. Пережитки домонотеистических верований и обрядов у аварцев-андалальцев в XIX – начале XX в. – Махачкала, 2012. – 172 с.
2. Басилов В.Н. Мусульманская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия; в 2 т. – 2-е изд. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 2. – С. 183–187.
3. Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX – начале XX в. – Л.: Наука, 1988. – 199 с.
4. Гаджиев Г.А. Мифические персонажи и их названия у лезгин // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. – Махачкала, 1984. – С. 82–93.
5. Гольдциэр И. Культ святых в исламе (Мухаммеданские эскизы). – М., 1938. – 180 с.
6. Исрапилова З.А. Образ «мартовской старухи» в мифологии даргинцев // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2012. – № 1. – С. 47–48.
7. Караханов С.С. Хозяйство и материальная культура лезгин Карчагской долины в XIX – начале XX в. – Махачкала, 2010. – 302 с.
8. Сефербеков Р.И. Из мифологии лезгин Самурской долины: реконструкция образов пантеона и пандемониума // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 10 (48). – Ч. I. – С. 154–159.
9. Шихсаидов А.Р. Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. – М., 2001. – С. 4–32.
10. Seferbekov R.I. Sceptre of Masker (On Some Folk in Dagestan) // Iran and Caucasus. – Leiden–Boston: Brill, 2009. Vol. 13. – P. 111–116.

Reference

1. Aligadzhiyeva Z.A. *Perezhitki domonoteisticheskikh verovanij i obrjadov u avarcev-andalal'cev v XIX – nachale XX v.* [Relics of pagan beliefs and rituals of Andalal Avars in the XIX - early XX century]. Mahachkala, 2012, 172 p. (In Russian).
2. Basilov V.N. *Musul'manskaja mifologija* [Muslim mythology] // *Mify narodov mira: Jenciklopedija*: v. 2-h t. – 2-e izd. / Gl. red. S.A. Tokarev. M.: Rossijskaja jenciklopedija, 1994, vol. 2, pp. 183–187.
3. Bulatova A.G. *Tradicionnye prazdniki i obrjady narodov Gornogo Dagestana v XIX – nachale XX v.* [Traditional festivals and rituals of the peoples of Mountainous Dagestan in the XIX – early XX century] L.: Nauka, 1988, 199 p. (In Russian).
4. Gadzhiev G.A. *Mificheskie personazhi i ih nazvanija u lezgin* [Mythical characters and their names at the Lezgins]. *Otraslevaja leksika dagestanskih jazykov: Materialy i issledovaniya*. Mahachkala, 1984, pp. 82–93.

5. Gol'dcijer I. Kul't svjatyh v islame (Muhammedanske jeskizy). [The Cult of saints in Islam (Muhammedanische sketches).] M., 1938, 180 p. (In Russian).
6. Israpilova Z.A. Obraz «martovskoj staruhi» v mifologii dargincev. [The Image of «the March of the old woman» in the mythology of the Dargins]. *Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii*. Krasnodar, 2012, № 1, pp. 47–48 (In Russian).
7. Karahanov S.S. *Hozjajstvo i material'naja kul'tura lezgin Korchagskoj doliny v XIX – nachale XX v.* [Economy and material culture of Lezgins Korchevskaya valley in the XIX – early XX century]. Mahachkala, 2010, 302 p. (In Russian).
8. Seferbekov R.I. Iz mifologii lezgin Samurskoj doliny: rekonstrukcija obrazov panteona i pandemoniuma [Samur Valley Lezgians' mythology: the Pantheon and pandemonium images' reconstruction]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, 2014, № 10 (48). Ch. I, pp. 154–159 (In Russian).
9. Shihsaidov A.R. Rasprostranenie islama v Dagestane [The Spread of Islam in Dagestan]. *Islam i islamskaja kul'tura v Dagestane*. M., 2001, pp. 4–32 (In Russian).
10. Seferbekov R.I. Sceptre of Masker (On Some Folk in Dagestan) // *Iran and Caucasus*. Leiden–Boston: Brill. 2009, vol. 13, pp. 111–116.

Поступила в редакцию 11.10.2014 г.